

18+

АЛЁНА КОНСТАНТИНОВА

ДОМИНАНТА РОМАНТИКИ

Алёна Константинова

Доминанта романтики

«Издательские решения»

Константинова А.

Доминанта романтики / А. Константинова — «Издательские решения»,

Адель — юная девушка, которая пережила сложное детство. Она одинока и потеряна. В поисках своего пути она переезжает в Москву, встречает новых людей, влюбляется и вступает в первые романтические отношения. Находясь в контакте с другими людьми, Адель знакомится еще и с самой собой.

Содержание

1 Глава	6
2 Глава	10
3 Глава	14
4 Глава	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Доминанта романтики

Алёна Константинова

Корректор Лилиана Голава

Редактор Анастасия Дробина

© Алёна Константинова, 2026

ISBN 978-5-0070-5772-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 Глава

Я глотнула теплого кофе и почувствовала, что недостойна этой кружки из костяного фарфора. Пришлось стереть черный уродливый подтек с королевского материала и вернуть блюдцу его идеальную пару. Сухое послевкусие во рту напомнило, что я никогда не пью кофе в натуральном виде. Если бы у меня был выбор, я бы заказала «Бамбл». Но в этом ресторане его не нашлось. У местных посетителей, похоже, был другой вкус: им явно хотелось закусить эту навязчивую цитрусовую кислинку густой взбитой сметаной и клубничным джемом, которые шли в комплекте к ароматным песочным вафлям. Сливочный запах завтрака смешивался с легким душком алкоголя, проникающим в ресторан, когда кто-то из персонала заходил в закрытый зал для караоке. От такой комбинации меня немного подташнивало.

«Американо» сработал. Сначала он усилил мое волнение, пустив по телу легкий тремор, а следом пришло понимание того, что я сильно уступаю местной публике. Я впервые заметила, что люди могут превзойти других качеством своих вещей. Мне только сейчас стал понятен смысл дорогих тканей и украшений. Разглядывая посетительниц, я обнаружила лишь одну интересную девушку, которая выделялась своей манкой смуглой кожей, длинной шеей и хорошей осанкой. А если остальных барышень переодеть во что-то попроще, то они станут просто незаметными. Зато вкус был оригинальным у всех: кольцо-бабочка с распахнутыми крыльями и голубым опалом, старинное ожерелье из золотых мух, обручальные кольца с блестящими, судя по всему, бриллиантами. Я словно оказалась в ювелирном музее. Блеск и уникальность этих камней окончательно задавили мою самооценку. У меня всегда возникали сомнения в своей естественной красоте, а тут я осознала — это и не красота вовсе.

Мне стало стыдно за свой неуместный вид: широкие поношенные джинсы и мешковатый коричневый свитер совсем не подходили для такого места. На столе лежали кружевные бумажные салфетки. Одной из них я попыталась оттереть засохшую грязь со своих огромных ботинок.

Подошел менеджер Иван.

— Извините, я прослушивал другого кандидата, а вас никто не додумался проводить. Я уже думал, что вы не придете... — лениво объяснил он.

— Ничего, меня угостили кофе! — Я оставила грязную салфетку под столом, надеясь, что менеджер ее не заметит.

— Да, кофе у нас один из лучших в городе. — Иван оценивающе взглянул на мою обувь. — Пройдемте в зону караоке.

Я встала и последовала за ним. Иван был одет в синий шерстяной костюм. Но строгий рабочий стиль был разбавлен модными японскими кроссовками «Onitsuka Tiger». Это выглядело маленьким протестом против этого места, что мне очень понравилось.

Мы спустились вниз по лестнице и зашагали мимо торжественных золотых диванов в сторону подиума.

«Надо было надеть туфли!» — подумала я, а потом вспомнила, что забыла свою единственную пару у бабушки.

Иван сразу вручил мне микрофон. Я немного растерялась, но постеснялась предложить свои варианты. Заиграла знакомая рок-музыка, и на экране появился текст. Это была группа «Слот», песня «Круги на воде». Я нахмурила брови, тяжело вздохнула и стала внимательно ждать вступления.

— Вы не знаете этой песни? — удивленно спросил Иван.

— Плохо, — ответила я.

Менеджер, казалось, разочаровался. Было поздно оправдываться тем, что я слушаю только легкие и лирические песни.

Я неуверенно начала петь. Голос дрожал, звучал фальшиво и безжизненно, песня была словно нарочно выбрана для того, чтобы забрать у меня последнюю каплю уверенности. Внутренний критик тут же обвинил в этом рок: я давно старалась его полюбить, но он мне не подходил. Встреча с ним казалась последним плохим свиданием.

Мне было страшно смотреть Ивану в лицо. Но я собралась и, сражаясь с припевом, бросила на него беглый взгляд. Менеджер смотрел в пол и терпеливо ждал финала моей попытки. Я поняла, что битва проиграна. Мое тело сделалось деревянным от зажимов, один из них прочно закрепился на шее. Но я не стала с ним мириться и прибавила мощи на кульминации. От услышанной лажи у Ивана сжались губы.

— Спасибо, что пришли к нам! У вас прекрасный голос! — Прозвучало тоже фальшиво.

Умение считывать ложь с лиц людей пришло ко мне в детстве. Как и всем детям алкоголиков, мне приходилось заранее угадывать, в каком папа сегодня настроении, чтобы спланировать побег внутрь себя. Иван явно врал.

— Я вам не подхожу?

— Нет, к сожалению. Вы написали, что у вас драматическое меццо-сопрано.

— Да, меня так определили в хоре.

— Возможно, но такой голос должен звучать значительно мощнее. Слушать такой mezzo — это как вместо хорошего плотного вина пить разбавленное. Если бы вы выступали перед местной публикой сейчас, за завтраком... Но вечером эти люди приходят сюда за другим. Они пьяны и хотят драйва и танцев. А вы поете только головным регистром, наша публика под это просто уснет, — устало закончил Иван.

Погода меня не поддержала: на улице царила унылая влажность. Я привычно уткнулась взглядом в асфальт и ушла в свои мысли. Серое, мокрое, загрязненное вещество — таким я себя сейчас чувствовала. Мне нужно было быстрее сбросить прилипшее к телу непризнание, смыть потеки разочарования в своем умении, забыть голос, которым я сегодня пела. Иначе я просто не смогу двигаться дальше. Но это был мой голос! Единственное, что приносило в мою жизнь какую-то ценность! Стало очень стыдно за то, что у меня совсем не осталось сил его защитить. Для этого мне нужна была хотя бы жалость к себе, а в этот раз она припозднилась. Если я плохо пою, то что я могу предложить этому миру?

Знакомый приветливый мотив прервал мои размышления. Симпатичный уличный музыкант играл вступление песни Imagine Dragons.

Я остановилась, чтобы послушать. В переходе оказалось еще холодней, чем на улице. Мне пришлось прикрыть грудь от сквозняка своим дешевым колючим шарфом. На сером мокром полу лежали красные осколки, но пахло, к моему удивлению, не пивом, а сладким яблочным сидром. Гитарист был высоким, слегка сутулым, с покатыми, направленными вперед плечами, как у большинства астеников. Своими длинными пальцами он уверенно набирал аккорды, извлекая из инструмента высококлассное полетное эхо. В двенадцать лет я пробовала освоить гитару, но оказалось, что я не способна терпеть физическую боль: зажимать струны было для меня мучением.

Лицо молодого человека показалось мне знакомым: я уже где-то видела этот большой нос, массивную тяжелую челюсть и светлые зеленые глаза под увесистыми веками. Он заметил, что я его рассматриваю, и улыбнулся. Это было одно из тех удивительных мужественных лиц, которое при улыбке превращалось в детское. До этого я видела такую черту только в женщине — моей безжалостной учительнице по английскому: она с легкостью могла соблазнить своей улыбкой любого на своем пути. Я много раз видела, как наш директор и учитель физкультуры смущаются и краснеют в ответ на ее теплое приветствие. Такую особенность в мужчине я встретила впервые, и это показалось еще более манящим. Я решила, что ему нужно стоять на сцене, а не в этом безразличном холодном переходе.

Возможно, на меня подействовал не сам музыкант, а знакомая музыка. Может, сработало волшебство манящей улыбки: мне захотелось обнять этого парня. Я незаметно поискала глазами его друзей или девушку. Но нашла при нем только гитару и маленькую черную кепку, которая лежала на полу с парой сторублевок внутри.

Музыкант словно угадал мое желание и «обнял» меня сам, укутав пледом своего глубокого бархатного тембра. Такого темного обволакивающего звука никогда не ожидаешь услышать от стройных людей. Микс легкой брутальности и сильного мужского голоса отогрел меня. Блоки, захватившие мое тело, начали слабеть, уступая место ласковому теплу. Откуда-то снова появились силы демонстрировать себя миру. По моим расчетам, я улыбалась уже целую минуту.

Музыкант явно хотел удержать мой интерес: всю песню он следил за тем, как я подпеваю, и, едва закончив, заиграл еще одну песню той же группы. Это была Next to me. Я рефлексивно стала подпевать, и спазм начал возвращаться, вытесняя тепло, которым я еще не успела сполна насладиться. В груди все еще пульсировал стыд за недавнее неудачное исполнение, и тело пыталось спасти меня от второго провала. Пришлось послушаться и замереть.

Но чуткий музыкальный слух уличного музыканта уже уловил мои обертона.

— Поможешь? Я вижу, ты хорошо знаешь текст! — сказал парень, снова улыбнувшись своей детской улыбкой.

— Сегодня не мой вокальный день! — честно ответила я.

— И не мой! — Музыкант сделал грустные глаза и кивнул на несчастную кепку. — Может, с тобой дело пойдет быстрее? С меня ужин!

Мой желудок при напоминании о еде пискляво заголосил. Требовалось его как-то заткнуть, прежде чем его вопли услышит музыкант. Я воспользовалась возможностью вернуть веру в свой талант и шагнула к микрофону. И неплохо вступила. Текст песни я действительно знала. А у музыканта оказалась великолепная координация: он продолжал прекрасно играть и петь, не отрывая от меня глаз.

Когда я пою, в моей голове обычно блуждают тревожные мысли. Но сейчас они либо не рождались, либо не задерживались надолго. Мой партнер приковал к себе все мое внимание: каждая его фраза звучала по-новому, но всегда оставалась живой и эмоциональной. Я впервые в жизни столкнулась с такой вокальной магией, и мне безумно захотелось тоже ей обладать. Правда, в душе я с досадой осознавала, что с этим, наверное, нужно родиться.

Люди шли мимо, ничего не оставляя после себя: ни денег, ни восхищения, ни улыбок. Но я за три минуты отвоевала каплю уверенности, осознала, что мне нравятся длинные мужские пальцы, убедилась в людском безразличии к уличной музыке. Последняя мысль пришла мне в голову, когда музыкант засовывал в карман свой скромный заработок.

— Как тебя зовут? — улыбнулся он и отряхнул кепку.

— Адель.

— Псевдоним?

— Нет. На самом деле так зовут.

— Тебе идет это имя. Родители молодцы!

Пожалуй, имя — единственное, за что я благодарна своему отцу. Оно действительно мне подходило.

— Я — Илья. Пойдем угощу тебя! Вижу, что ты голодная.

Это было правдой, но мне показалось невежливым его замечание.

— И в чем это проявляется? — спросила я.

— У людей всегда такие глаза, когда они хотят есть. Я давно здесь играю. И часто вижу именно такой взгляд перед тем, как люди достанут что-то съедобное из сумки. Или остановятся купить пирожок вон в том магазине. — Илья указал на ларек с требующей порядка и дезинфекции витриной. — Но с тобой особый случай.

Я почувствовала облегчение от слова «особый».

— Какой?

— Обычно эти люди не замечают моей музыки. А ты почему-то остановилась...

— Наверное, я без музыки не могу прожить так же, как и без еды.

— Ты где-то учишься?

— Буду поступать в Гнесинку.

— На академ?

— Нет, на эстраду. Почему на академ?

— Звук у тебя академический.

Очередная неуместная оценка моего вокала вызвала раздражение. Но это только придало мне решительности.

— Я сегодня слышу это во второй раз. Что звук не тот...

— Если хочешь быть эстрадной певицей, нужно искать другой.

Мы встали в очередь за уличным перекусом к красочно разрисованному маленькому автобусу. Я заглянула внутрь и увидела идеальный порядок: раковина блестела, все продукты уложены в чистые маркированные ящички. Илья заказал две самые большие порции и колу. Он заплатил явно больше, чем заработал. Но я решила сделать аперитив из своего неудобства: мой живот уже начал сольный концерт, почуяв пряный, теплый аромат мяса и свежего лаваша.

— Будет очень вкусно! — Илья протянул мне горячий, пахнущий маринадом и приправами сверток.

Я не запомнила, что рассказывал мой новый знакомый, пока я ела. Смесь сливочной паприки и петрушки на время лишили меня способности слушать. Жидкая струя соуса стекала мне прямо в рукав, свитер стал липким, источал смешанный запах лука и шерсти. В кончиках пальцев началось покалывание, и я спрятала их в теплую шершавую бумагу от шаурмы.

— Если хочешь, я могу тебе помочь с вокалом, — предложил Илья.

Его слова заставили меня вернуться к разговору. К тому же с едой было почти покончено.

— У меня сейчас нет денег на репетитора.

— А я и не репетитор. Просто помогу тебе.

— А что взамен?

— Ничего. Это же нормально, когда начинающие артисты друг другу помогают.

Мне показалось, что Илья немного расстроился. И это убедило меня в его искренности.

— Было бы здорово! — согласилась я.

— Ну, решили! Завтра можешь приехать на нашу реп-базу.

— Я приеду!

Илья начал вытирать руки так, будто собирался со мной прощаться.

— Мне нужно идти, я работаю сегодня в клубе.

— Ого! А можно послушать?

— Нет. Я бы хотел остаться загадкой, — смущаясь, ответил он.

Я поняла, что клуб — вынужденный заработок без намека на качественную музыку. И не стала настаивать, хотя мне уже не хотелось оставаться одной. К тому же я была сыта и готова к интересной беседе...

Илья вытер лицо, засунул смятую желтую бумажку в карман, поцеловал меня в щеку липкими губами, оставив на них отпечаток куркумы, и направился в сторону метро. Мне оставалось только смотреть ему в спину и любоваться его прекрасной фигурой. Почему-то захотелось отдать ему то внимание, которое он ко мне проявил: тоже помочь ему творчески или угостить домашним печеньем. Но почему мне всегда хочется вернуть добро?

2 Глава

Первым делом я проверила телефон. От Ильи уже пришло несколько напоминающих сообщений. Вот-вот мы увидимся. Еще ночью у меня начало колоть внизу живота, а сейчас покалывание резко усилилось. Я чувствовала слабость, завтракать совсем не хотелось. Вместо этого я потратила немало сил, чтобы впервые в жизни побрить руки. Понятия не имею, почему меня вдруг перестали устраивать волосы на них. Занятие было глупым, но осознала я это лишь тогда, когда дело было закончено и я наносила на раздраженную кожу крем с дешевым кокосовым запахом и клеила огромный пластырь на кровоточащий порез. Но на этом мои странности не прекратились: я как следует обнюхала свитер, прежде чем его надеть, а затем долго и усердно выискивала пятна на белой куртке. Времени уже не оставалось даже на макияж. Хотя я достала неиспользованный черный карандаш, который со мной с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать. И даже его подточила. Но экспериментировать со стилем было уже некогда.

Уснуть мне сегодня удалось только к утру. Казалось, что, несмотря на все приготовления, я выгляжу еще хуже, чем вчера. Правда, я поймала пару ободряющих мужских взглядов в вагоне метро. К сожалению, такие взгляды раздаются каждой второй девушке: в них не было ожидания взаимности. Они просто скользят по тебе, а потом быстро переключаются на кого-то другого. Женщине они ничего не дают: ни поднятой самооценки, ни искры, ни желания познакомиться.

В метро едкая смесь запахов кислого пота, старого камня и горячего металла подтолкнула меня к мысли о парфюме. Как только у меня появятся деньги, я сразу же выберу себе свой запах.

Добраться до назначенного места оказалось непросто. Это была окраина города, старый кирпичный завод, где размещались модные фотостудии и реп-базы. Я поняла, что фотографы бывали тут часто: из одной студии вышли две стройные девушки, явно профессиональные модели. Одна из них была эльфийски красива: пшеничные волосы уложены легкими волнами, а глаза подведены арабскими бирюзовыми стрелками. Явно работа крутого стилиста: сама так не нарисуешь.

Когда я открыла тяжелую деревянную дверь, меня захлестнул запах сырости и табака. В коридоре слышался мужской гул и эхо басов. Было приятно идти на звук живой музыки мимо расслабленных курящих музыкантов. Они хрустели обеденными снеками и что-то обсуждали.

Я тихо зашла в студию и увидела Илью. Он держал на коленях блокнот и, склонившись над ним, что-то записывал. Нельзя было его отвлекать: я хорошо знаю, как легко потерять нужное слово, а потом долго его заново искать. Я села на стул и стала ждать, когда Илья сам меня заметит. Он словно почувствовал мое присутствие и кивком дал понять, чтобы я подошла к нему.

— Мы скоро закончим. Я хотел, чтобы ты попробовала с ребятами спеть. Кайфанула. Но им нужно идти на другую площадку. Сегодня порепетируем, а ребята нам в другой раз сыграют.

Не передать, как мне было приятно его предложение. Мысли на миг перенесли меня в будущее, где я пою под живую музыку.

— Хорошо! Но если что, я сама могу.

— Музыкалку закончила? — Он улыбнулся и вновь уткнулся в свой текст.

— Нет. Я самоучка. Только аккомпанемент. Что-то сложное я не сумею...

— И не обязательно! Аккомпанемента вполне достаточно! — Он убедительно посмотрел мне в глаза, и мы оба почувствовали смущение. — Ты можешь пока попить чаю или кофе. Что ты, кстати, любишь?

— Я люблю томатный сок.

— Ха! — Илье явно понравился мой ответ. — Я тоже! Но все время это забываю.

Вместе с растворимым кофе на столе лежало печенье с запахом сыра, свежий батон и открытая упаковка с колбасной нарезкой. Угощение на любителя.

— Можешь пока распеться в коридоре, — предложил Илья.

— Я дома распелась. Хочу тебя послушать. Что-то новое? — Я заглянула в текст.

— Пока сырое. Только набросок. — Он встал и пошел к микрофону.

Илья начал петь, а потом вступили музыканты. За барабанами сидела эффектная смуглая девушка: длинные черные волосы, мерцающие большие глаза, подчеркнутые густыми бровями и ресницами, неровная родинка над губой. Во время ударов на ее руке гремел браслет с серебряными мишками. Пока я была увлечена магнетизмом фронтмена, ударница кидала на меня изучающие взгляды. Улыбчивый гитарист в веселой толстовке с наивным цветочным принтом выглядел старше всех: его возраст выдавали мелкие морщины под глазами, едва заметная лысина и седина. У невысокого клавишника было маленькое доброе лицо и острый аккуратный нос; черная шляпа и майка с надписью «Minog» придавали его стилю богемный налет. Их новая песня оказалась как раз минорной — история про тяжелое расставание. Я пыталась сконцентрировать внимание на песне, но у меня не получилось: было куда интересней смотреть, как руки Ильи обхватывают микрофон, как он шевелит ушами на высоких нотах, как морщит нос и приподнимает брови на припеве. Пару раз он останавливал коллег и обсуждал ход песни. Его детскость сразу куда-то исчезала: появлялся серьезный взрослый, требовательный к своей команде. Надо отдать музыкантам должное: все они быстро понимали Илью.

Когда Илья закончил, музыканты быстро познакомились со мной и поспешили уйти, оставив инструменты.

— Что ты будешь петь? — спросил он, когда мы остались одни.

— Я хотела бы, чтобы ты показал мне ту песню. «Круги на воде».

— Хм... Сложная... Может, что-то полегче и поновее?

— Давай попробуем эту!

— Ты такая упертая! У тебя с этой песней не задалось. Я бы уже обиделся на нее. Но ты — нет, не сдаешься, молодец.

— Песня тут ни при чем. Нужно понять, что не так с вокалом.

— Иногда бывает, что с голосом все хорошо, но материал не подходит. Посмотрим...

Илья загуглил ноты, а потом, наигрывая на гитаре, стал искать нужную тональность. Я сделала попытку вступить.

— О-о-о! Воздушная ты моя! Это слишком для такой песни. Так рок не поют.

— А Somewhere у Within Temptation?

— Ха! Точно. Я и забыл. Если хочешь, мы можем попробовать их песню.

— Нет. Давай эту.

— Ну, тогда давай пой куплет в речевой позиции. Проговори его... У тебя очень красивый голос, даже когда ты просто говоришь.

— Разговор и пение — разные вещи.

— Не всегда. Скоро ты это поймешь.

Просто говорить не получалось. Старые привычки были сильнее меня: все звучало несовершенным и безвкусно. В непривычной речевой позиции связки просто сжимались. Илья загрустил, хоть и не показывал виду. К концу куплета он начал выглядеть беспомощнее меня. А потом мы подошли к самому страшному — к припеву.

— Сделай так. Хей! — громко крикнул Илья.

Мое ответное «хей» было похоже на цыплячий писк.

— Позови меня громко. Э-ге-гей! — Голос Ильи полетел легко и полетно.

После трех насильственных попыток извлечь из себя вокальный крик на мои глаза навернулись слезы. Появилось тошнотное чувство, что меня пытаются вывернуть наружу, и мой голосовой поток окончательно перекрылся.

— Ничего страшного, — поспешил успокоить Илья.

— Да... — Я сглотнула слюну.

— Может, ты меня стесняешься?

— Нет, я тебя совсем не стесняюсь! Просто я еще никогда так не кричала...

С непривычки у меня сбилось дыхание. Покраснели щеки и зачесалось нёбо. Мой учитель явно догадался, что сегодня пробовать больше нет смысла.

— Нам надо закругляться. Можем выпить томатный сок, мы заслужили.

Нежелание Ильи расставаться принесло мне облегчение.

— Я не против! — радостно вырвалось у меня.

В кафе рядом с лофтом стояли низкие столы и пуфы. Мы с Ильей устало рухнули в огромные сидушки-подушки. Илья действительно заказал нам томатный сок. В горле у меня не переставало зудеть, пришлось даже пару раз покашлять.

— Чаю? — предложил Илья.

— Да.

— Круассан?

— Да. — Мне хотелось на все соглашаться.

Обычно я тяжело выдерживаю долгий зрительный контакт. Но Илья смотрел на меня иначе — нежно изучая и с таким интересом, что, казалось, он хочет съесть мое лицо вместо круассана.

— У тебя глаза накрашены? — неожиданно спросил он.

— Нет.

— А вчера были?

— И вчера нет.

— У тебя ресницы такие... как будто ты их нарисовала.

— Нет, — улыбнулась я. — Я их не рисовала.

— Тебе и не надо... — Илья умолк. Я поняла, что он хотел сказать мне что-то еще, но остановился. Его чувство меры оказалось некстати: мне очень хотелось послушать про себя еще.

Вот так оказалось, что в карандаше вовсе не было надобности. Мне требовался очарованный моими ресницами парень.

— Я сейчас пойду пить в переход. — Илья разорвал длинными пальцами круассан, от которого шел теплый пар.

— Пить я вряд ли тебе помогу. Но могу стоять рядом с тобой и смотреть на всех грустными глазами.

Илья засмеялся.

— Знаешь, давай попробуем. Недолго. Можешь уйти, когда захочешь.

Когда мы вышли из кафе, Илья остановил меня и взял за плечи. Я думала, он хочет меня поцеловать или обнять... Но это был просто жест поддержки.

— Не переживай насчет крика. Все получится. У тебя прекрасный тембр, это главное. Все остальное — вопрос времени и техники. Мне тоже было сложно, многое долго не получалось.

— А какие сложности были у тебя?

— Большие. Еще были бонусные. Под названием «родители».

Мое сердце екнуло. Наверное, вот так и узнаешь своего брата по несчастью — с первого взгляда. Ведь я и до этой фразы чувствовала наше с Ильей родство душ. А теперь в нем убедилась.

— Были против музыки?

— Да. Как и все родители. Хотят лучшего для своих детей. Но лучшего в своем понимании.

— Так часто бывает.

— Твои тоже были против?

— Нет. Моим просто было никак. «Против» — это хоть какая-то реакция. Родителям было просто не до меня.

— А друзья тебя поддерживают?

Я замешкалась с ответом. И снова решила соврать.

— Да. Но в этом городе я совсем одна. Так что, считай, никто.

— Теперь есть я.

Мне так никто еще не говорил. Три коротких слова подарили мне новое, невесомое, чувство спокойствия. Но вместе с ним пришел и страх быть обманутой. Пришлось напомнить себе, что я Илью совсем не знаю.

Илья нес на плече гитару, то и дело поправляя ремень. Я все время пользовалась этим, чтобы снова посмотреть на его руки.

В переходе мы просто продолжили разговор: людей совсем не было. Я грела нос шапкой Ильи, пока он развлекал меня своими песнями.

— Может, ты больше заработаешь, если будешь попсовые песни петь? — предложила я. — Типа «Зверей»?

— Я пробовал. Это ничего не меняет. Лучше выходит, когда поешь то, что тебе самому нравится. Люди это чувствуют.

— Пугает, что хороший вокалист поет в переходе. Это же несправедливо! Меня тоже ждут переход, шляпа и сквозняк?

— Нет. Я так проверяю свой материал. Кепка — это больше для образа.

— А-а... А я подумала, что ты так выживаешь.

— Не совсем. Я сейчас песню собрал. Вечером посмотрел реакцию. Удивлена?

— Да. Ничего подобного не слышала об артистах.

— Чтобы выступить с новым материалом в баре, нужно платить деньги. А зачем, когда есть места, откуда тебя не выгонят?

— И ни разу не выгоняли?

— Я отлично бегаю. Ха!

Было смешно, когда Илья выдавал это свое «ха». На обратном пути я попробовала его примерить. Заменяла предложенное им «хей» на «ха». Ничего не получилось, и я смирилась с тем, что всегда буду петь только фальцетом. В конце концов, есть и такие певицы.

Дома я обнаружила, что мои глаза снова заблестели, а на лбу вырос огромный бордовый прыщ. Сегодня я весь день не вспоминала про работу, деньги и предстоящие экзамены. Безмятежно наслаждалась новой жизнью и знакомством с интересным парнем. А этот уродливый угорь все испортил. Весь вечер я провела в попытках от него избавиться: по очереди наносила то зубную пасту, то мазь «звездочка», то пантенол. Ничего не поделать... Завтра Илья будет смотреть не в мои сияющие глаза, а на мой жуткий ожог.

3 Глава

За месяц частых свиданий с Ильей я очень вымоталась. Больше всего устала держать ровно свою кривую спину. Мои лопатки уже не выдерживали напряжения, плохо слушались и занимали привычную позицию вопреки всем моим усилиям. Рядом с Ильей я постоянно думала, что сказать, стоит ли мне вообще говорить, и заранее подбирала красивые и умные слова. Мне было страшно, когда он смотрел на мое лицо вблизи. Меня пугало, что он заметит неидеальную кожу, волоски, неровный макияж и давний шрам над бровью. И хотя я успокаивалась, видя его увлеченный взгляд, легче становилось ненадолго.

Сейчас Илья сидел напротив и ел сочный бургер с картошкой. С каждым укусом на его носу и подбородке появлялись свежие следы жира. Запах мяса и сыра манили приступить к еде и меня. Но я зависла над своим чизбургером, прикидывая, как бы его поаккуратнее откусить. Не хотелось выглядеть замарашкой. Илье можно. Он же мальчик. А мне нет — я же девочка. Какое-то нелепое убеждение. Просто глупость. Но именно оно делало для меня каждый совместный прием пищи настоящим испытанием. Если в тарелке лежал очень большой кусок или политая соусом неизмельченная зелень, то я ждала, когда Илья отвернется или отойдет, чтобы отправить их в рот. Но эти старания ничуть не облегчали мне жизнь. Даже если я удачно клала в рот огромный кусок, не оставив на подбородке следов, я все равно чувствовала себя маленькой и нелепой.

— Ты чего не ешь? — Илья заметил, что я медлю.

— Жду, когда остынет, — соврала я.

На самом деле я жутко хотела есть. Живот ныл с начала нашей встречи. Мешал мне наслаждаться картинами в музее и не успокаивался, даже когда мы пили кофе с сырниками. Я хотела есть, есть и есть. Со дня знакомства с Ильей меня просто одолел голод. Дома я все время чем-то перекусывала. Три дня назад джинсы начали сдавливать мне живот. Сегодня я надела самые широкие брюки и толстовку. И не могла отогнать тревогу. Меня не отпускала мысль о том, что мой ограниченный бюджет на еду неожиданно вырос. Я связывала свой дикий голод с появлением Ильи. Ведь даже при мысли о нем у меня в животе появлялось легкое давление и ноющая пустота, которую срочно хотелось заполнить. При этом видела я Илью очень часто, а думала о нем просто всегда. Фоном. Сразу, как только просыпалась, когда принимала душ, готовила, готовилась, шла пешком, ехала в метро, пила, пела, читала, чихала, смотрела, стригла ногти, выдергивала брови, лежала без дела, говорила, бежала, просто дышала. Может, я трачу слишком много энергии на эти мысли? Ведь чтобы все время думать о ком-то, требуется немалый запас калорий.

— Ты так на этот бургер смотришь! — засмеялся Илья. — Не хочешь — не ешь. Можно же передумать. Бургеры — вообще штука на любителя.

— Нет. Я как раз очень голодная, — возразила я. — Причем уже две недели. Так что бургер — самое то!

— Ха. Это как?

— Вот так. Напал жор. Даже не знаю, что со мной. Только поем — через тридцать минут снова хочу.

— А ты уверена, что это голод? — деловито уточнил Илья.

— А что еще? — пожала я плечами.

— Ну, может, болит живот, или еще что...

— Хм. Разве можно с чем-то перепутать голод?

— Думаю, да. Вполне может быть голод, кстати, только другой.

— Это какой?

— Сексуальный, например...

— Ты шутишь так? — Я округлила глаза, а Илья заметно застеснялся.

— Ну, я так... Накидываю варианты. Чтобы ты к себе прислушалась.

— Я никогда не задумывалась... Просто хотела есть — и шла есть.

— А где именно в теле ты ощущаешь голод? — уточнил Илья.

Что значит «где»? Почему я должна об этом думать? Я начала злиться. Как всегда, когда мне задают вопрос, который ставит меня в тупик.

— Вроде как внизу живота. Ноет.

— Пф, — поморщился он. — Внизу живота полно всего. Прислушайся к телу! Может, оно вовсе не еды просит...

Потом мы, как обычно, поехали в студию. Илья рассказал мне о новом вокальном приеме. Что-то показал. Что-то я повторила. Но, когда взялась за песню, ничего, кроме фальцета, опять не получилось. Зато я отлично кашляла. И даже уже не стесняюсь.

— Давай на сегодня все. Ты уже устала. — Говоря это, Илья опустил глаза. — Завтра попробуем еще!

Мне показалось, что говорил он не про меня, а про себя. На самом деле это он устал учить меня петь. Илья немного злился, но сдерживался. У него на шее появился ярко-красный сосудистый ошейник. Видимо, я столкнула его с бессилием. В начале нашего знакомства он уверенно решил, что сможет мне помочь. А оказалось — нет, не может. Мы оба это понимали. Но пока никто из нас не решался позвать на помощь кого-то еще.

Возможно, я спела бы лучше. Но версия Ильи о природе моего голода все время крутилась в голове, мешая сконцентрироваться. Меня поразило, насколько я не знаю свое тело. И путаю чувства. Ведь если я не могу отличить обычный голод от сексуального, что я вообще о себе знаю? И как могу делать выбор? Часть меня не могла в это поверить и спорила. Другая часть прислушалась к Илье и начала сканировать тело в поисках правды. Даже сейчас я смотрела, как Илья достает из рюкзака протеиновый батончик, и думала: «Я действительно хочу съесть эту якобы полезную мешанину?»

— Ты хочешь батончик?

— Вот стою и думаю...

Илья разворачивал ярко-желтую упаковку. Какие же красивые все-таки у него руки. Редкий случай, когда мужские пальцы нравятся больше, чем свои. Я представила, какие они нежные. Как прикасаются к моей верхней губе, обхватывают шею, убирают с лица волосы, трогают ключицы и мочку уха. У меня по телу побежали мурашки. Голод невозможно отрицать. Только теперь я внимательно к нему присмотрелась. Оказывается, он появляется не только внизу живота. Призывные его уколы ощущались и на лобке, и в верхней части бедер, и в паху, и даже на копчике. Еще я чувствовала приятный ток в плечах и руках. Короче, если я и хотела есть, то это был точно не батончик.

— Хочешь? — Илья спросил, как в последний раз.

— Нет. Его я точно не хочу! — уверенно ответила я.

Когда мы прощались, Илья впервые коснулся меня. Он тронул мои пальцы очень быстро, всего на секунду. Но этого оказалось достаточно, чтобы я почувствовала голод в каждой частичке своего тела.

4 Глава

Я проснулась от того, что, казалось, не могла проглотить какой-то шарик. Прямо между моими раздутыми гландами застрял огромный сгусток боли. Сначала я подумала, что это раны от вчерашнего вокала. Но жуткая резь в миндалинах указывала на ангину. Попытка оторвать голову от подушки вызвала разноцветные пятна в глазах. И я поняла, что вынуждена отменить встречу с Ильей.

А у меня ведь был шанс провести этот день иначе... не одной. Но теперь мне придется лежать и скучать, до сих пор ощущая кожей вчерашнее прикосновение Ильи. Оно осталось на мне, словно крем или легкое масло. Хотя я до сих пор не успела уловить, как пахнет мой друг. Собственный аромат Ильи все время перебивался запахом его винтажной кожаной косухи. Получалось, что мужской объект не был до конца распознан. И мой недоверчивый мозг требовал ясности, чтобы сложить пазл и понять, как поступить. Он попросту завис, не понимая, что нужно делать: то ли вырабатывать на этого парня антитела, то ли запускать в живот следующую партию бабочек.

Неожиданная простуда меня совсем не удивила: это была обычная реакция организма на стресс и последующее самобичевание. Прошел месяц, а я так и не запела как Адель. Внешне я, конечно, держалась, но внутри уже накопело. Мой организм предпочитал, чтобы самоедством я занималась уже лежа в постели. Хорошо, что вчера я постирала белье: оно еще пахло полевыми цветами и хвоей. Именно сейчас, вдыхая синтетический запах порошка, я захотела чистоты.

Я оглядела комнату. На подоконнике лежало заброшенное детское пианино, которое уже покрылось слоем пыли. А из архаичного деревянного серванта на меня возмущенно смотрела коллекция стеклянных клоунов, будто спрашивая: «Может, хоть ты нас когда-нибудь протрешь?» Даже холодные голубые стены, из-за которых я сняла эту крохотную квартиру в Кунцево, молили как следует их отмыть. Раньше я не замечала, что этот трогательный небесный цвет впитал в себя столько сигаретного дыма. Но я решила начать хотя бы с себя.

Я с трудом оторвала голову от подушки, кое-как встала и пошла мыться. И думать, как написать сообщение Илье, чтобы ему не показалось, что я его просто сливаю.

До него дошли мои сиплые голосовые сообщения. И он ответил, что сейчас же привезет мне антибиотики. Обо мне заботились. Я не могла этому сопротивляться и согласилась принять волшебные таблетки. К тому же у меня совсем не было денег на лекарства, а по словам Ильи, этот чудо-порошок должен был вылечить мне горло за один день.

Я собрала мокрые волосы в пучок, надела чистую одежду и замаскировала пару следов от акне. Потом собрала по углам комнаты скопившиеся клубки пыли, распылила немного персикового освежителя, сняла с сушилки парочку непрезентабельных разноцветных трусов и заправила кровать застиранным гобеленовым пледом. А через час раздался звонок в дверь.

Сегодня Илья казался совсем другим человеком: без щетины, с чистыми и подстриженными волосами. Теперь я могла с легкостью разглядеть его вытянутый овал лица, скулы и высокий лоб с тремя ранними морщинами. На нем было длинное пальто песочного цвета и принтованная черная рубашка. Я подумала: «Как же он хорош!» Особенно сейчас, без этой древней рокерской куртки.

— Я не один. — Илья держал в руках литровую банку малинового варенья. — С лекарством.

— Спер у бабушки? — улыбнулась я.

— Работаем в одном переходе, она сделала мне большую скидку, — пошутил он и шагнул в квартиру.

— Мне бы не хотелось тебя заразить, — предупредила я.

— Займемся лечением! Надеюсь, чай у тебя есть? — Илья по-хозяйски вручил мне банку и стал снимать замшевые туфли.

Мозг вынес решение, что Илья пахнет ягодами. И мне понравилась такая сладкая ассоциация.

Пришлось искать в шкафу полупустые пачки, чтобы собрать хороший чай. Я ссыпала все остатки заварки в белый чайник с китайским иероглифом и залила их кипятком. Кухня наполнилась запахом черной смородины, карамельного молочного пуэра и кислого каркаде. Жидкость приобрела красивый фиолетовый цвет. К сожалению, такой спонтанный креатив был единственным, чем я могла порадовать своего гостя.

— Ничего, что я напросился?

— Нет. Хорошо, что ты пришел. — Я в самом деле была счастлива, что теперь не одна.

Илья поискал чистое блюдо. Не найдя, закатал рукава своей выглаженной рубашки и помыл блюдо сам. Я не чувствовала за это неудобства. Он то и дело посматривал на меня как маленький английский бульдог: нависшие веки делали его глаза очень жалостливыми и просящими.

— Прикольная квартира. Голубые стены... Необычно.

Илья с легкостью открыл тугую крышку банки и плюхнул две ложки варенья в хрустальное блюдо. Потом пальцем подобрал со стола случайное алое пятнышко и отправил его в рот.

— Под цвет глаз выбирала?

Его ярко-розовый язык был огромным. Когда он говорил, в глаза бросалось приподнятое мягкое нёбо. Вот это физиология! Такому встроенному аппарату мог позавидовать любой академический певец. Но я не стала это озвучивать, уже зная, что эстрадники критически относятся к классическому пению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.